

Акулова Лариса Владимировна

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАРОДА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с традицией русской народной песни, ее истоками, развитием и значением в жизни народа на протяжении его истории. Обращение к данной теме обусловлено проблемой отчуждения современной культуры от своих исторических основ. Автор статьи считает, что исследование истории народа и глубин его духовной жизни невозможно без постижения русской народной песни. Новизна исследования состоит в попытке провести углубленный анализ музыкальных особенностей русской народной песни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 15-19. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

SOCIAL ATTITUDES AS THE MAIN DETERMINANTS OF THE CHECHENS' "AGGRESSION"

Abdulaeva Elita Sultanovna, Ph. D. in Philosophy
The Chechen State University
elita8881@mail.ru

The article deals with the issue of the determinants of the typical image of the "aggressive" Chechen. The author analyzes the reasons of such image appearance. It is noted that the national character is extremely manifold and any generalization at the level of "typical" traits of the people is conditional. The relevance of the typical image may be caused by the following reasons: firstly, the fear of losing identity in the universalized world; secondly, the social attitudes regarding the Chechens and based on primary sources, which were the sketches of the Russian military men.

Key words and phrases: aggression; the Chechens; ethnopshychic traits; traditionalism; militancy; asceticism.

УДК 930.85

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются вопросы, связанные с традицией русской народной песни, ее истоками, развитием и значением в жизни народа на протяжении его истории. Обращение к данной теме обусловлено проблемой отчуждения современной культуры от своих исторических основ. Автор статьи считает, что исследование истории народа и глубин его духовной жизни невозможно без постижения русской народной песни. Новизна исследования состоит в попытке провести углубленный анализ музыкальных особенностей русской народной песни.

Ключевые слова и фразы: народная песня; фольклор; исторический путь развития; музыкальная интонация; гармония; голосоведение; хоровое пение; инструментальная музыка; церковное пение; история культуры.

Акулова Лариса Владимировна, к. филол. н., доцент
*Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*
akulova47@bk.ru

**РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАРОДА**

Русский народ отличается редкой музыкальностью. Песня сопровождала все основные моменты жизни русских людей. Повсеместное распространение пения и глубокое проникновение его в жизнь русского человека удачно отметил Н. А. Добролюбов: «Ни один народ не отличается такой любовью к пению, как славяне и между ними русские. У нас народ сопровождает пением все торжественные случаи своей жизни, всякое веселье и печаль <...> Едет крестьянин пахать землю, он облегчает свой труд своею песнью; собираются крестьяне жать, косить в знойную рабочую пору, и здесь песня между ними, освежая их среди тяжелых трудов. Провожают лето, празднуют уборку хлеба – опять с песнями» [5, с. 402-403].

Русская музыкальная культура отличается разнообразием музыкальных жанров. Наряду с эпическими песнями встречаются игровые, хороводные и лирико-протяжные, плясовые и лирические задумчивые.

Музыканты многих стран отмечали своеобразную ладовую, полифоническую и гармоническую фактуру русской народной песни. Профессор Вестфаль из Дерпта в 1879 г. опубликовал свою работу о русской народной песне, выделяя ее среди музыкального фольклора других народов. На основе русских исследований и собраний, в частности теоретика музыки и фольклориста Ю. Н. Мельгунова, он установил, что русская народная песня занимает совершенно особое место в мировой музыке. Ее поют в своеобразной тональности, которая похожа на греческую, но в то же время не тождественна ей. Русские песни отличаются оригинальностью гармонии и голосоведения. Их исполняет крестьянский хор без какой-либо музыкальной подготовки, без камертона и дирижера. Это четырехголосие, в котором никогда не бывает скучного, невыразительного унисона. «Богатство этих песен неисчерпаемо, их возраст порой нельзя установить, их мелодика, ритм и выразительность просто пленяют» [Цит. по: 6, с. 389].

В основе русского многоголосия лежит система подголосков, которая образует подголосочную полифонию. Она заключается в том, что песню, которую исполняют хором, начинает запевала, а после него постепенно вступают в хор другие певцы. Они исполняют первоначальную мелодию в разных вариантах. Подголосок является вариантом начальной мелодии, ее развитием, разработкой главной интонации ведущей мелодии. В основе подголосочной полифонии лежит принцип свободной импровизации, при этом певцы «чудесно, с безошибочным инстинктом и музыкальной целью творят совершенную гармонию». Можно сказать, что народный хор в России представлял собой «свободное единение многих личностей в одно целое» [10, с. 454].

Многие философы и исследователи русского фольклора отмечали, что русская песня исходит из глубочайших недр души. Так, по мнению философа И. А. Ильина, если заглянуть в душу русского человека, то возникает впечатление, что в ней слышится «внутреннее безмолвно звучащее "пение", мелодичное и ритмичное» [6, с. 389].

Неповторимую очаровательность русских народных песен отметил в своей книге «Русские люди» (1911) английский поэт и публицист М. Бэринг. Важно заметить, что он связывал особенности русской народной музыки с духовными качествами русского человека. Он писал: «Русская душа полна человеческой христианской любви более теплой, простой и искренней, чем я встречал у других народов: отсюда проникновенность русской музыки, искренность... песни, стиха, искусства...». Далее он продолжал: «То, что я люблю и чему удивляюсь в русском народе, имеет не <...> живописный или экзотический характер, но представляет собою нечто вечное, общезначимое и великое, – именно его любовь к человеку и веру в Бога» [10, с. 515].

Национальные особенности музыки проявляются в музыкальной интонации. Интонационно-мелодическое чувство занимает особое место среди индивидуальных особенностей, создающих своеобразное лицо каждого народа. Как известно, разные народы отличаются один от другого не только разговорным языком, но и интонационно-мелодическим, что находит выражение в разнообразном мелодическом материале музыкального фольклора разных народов. Выдающийся деятель русской культуры Н. А. Львов писал: «Не знаю я, какое народное пение могло бы составить столь обильное и разнообразное собрание мелодических содержаний, как российское...» [Цит. по: 9, с. 6]. В мелодиях песенного фольклора очень важно найти музыкальную интонацию на стадии ее возникновения. При этом необходимо не только описать образцы раннефольклорного интонирования, но и объединить их в логическую систему, что может создать основу для выяснения генезиса интонации.

Не менее значимым является вопрос ладового строения русской народной песни, который связан с жизненными истоками музыкального языка, а также с процессом развития смыслового содержания музыкальной речи. Иногда, рассматривая русскую народную песню с точки зрения разных теорий, применяли к ней древнегреческую музыкальную систему или подходили к ней с меркой западноевропейских средневековых ладов. По мнению Ф. А. Рубцова, «в русской народной песенности, благодаря тому, что она представляет собой сложную, многовековую культуру, сохраняющую в бытовой практике песни различных слоев, нет и не может быть единой системы ладового строения. Поскольку русская песенность складывалась из переплетения различных исторически обусловленных музыкально-стилистических течений, постольку в ней должно отразиться и несколько различных систем ладообразования» [13, с. 5]. Установить основные формы ладообразования возможно, если проследить весь путь развития народной песенности, соотнося народные песни с их содержанием, бытовым назначением, интонационным генезисом и последующими наслоениями.

Специалисты считают, что вокальная и инструментальная музыка была известна славянам, в том числе и русским, в глубокой древности. На это указывают многочисленные обрядовые песни. Они связаны с магическими действиями, с помощью которых человек стремился воздействовать на природу. Говоря о древнейшем слое песенного фольклора, исследователь музыкальной культуры Н. Ф. Финдейзен подчеркивал: «...принимаясь за поиски древних черт в нашем народном песнотворчестве, нужно, конечно, помнить о той обстановке, при которой воспевались молитвенные песнопения не только в храмах и капищах, но и на лоне прекрасной или грозной природы; эта самая обстановка способствовала, с одной стороны, торжественности, нередко даже мрачности, а с другой – красоте и картинности музыкальных проявлений религиозного культа язычника-славянина» [18, с. 44]. В сказках упоминаются чудесные рога, вызывающие звуками многочисленную рать, гусли, заставляющие плясать леса и горы и т.п. Русские обрядовые песни составляют два основных цикла: календарно-обрядовые, связанные с годовым циклом сельских работ, и семейно-обрядовые.

Наряду с обрядовыми возникали и лирические песни на ранней ступени общественного развития. В отличие от обрядового фольклора, строго регламентированного и каноничного, лирическая песня была более свободна и не подчинялась единому канону. С достаточной точностью невозможно определить время возникновения какой-либо песни. В фольклористике сложилось мнение, что тип русской протяжной песни, для которого характерны обширный диапазон, певучая раскидистая мелодия и внутрислоговые распевы, возник примерно к XV–XVI вв.

Исследователи отмечают, что наиболее устойчивым жанром, кроме обрядовых песен, является эпический фольклор, представленный в основном былинами, или «старинами», как их обычно называли в народе. Существуют две точки зрения на происхождение былин. Одна из них, известная под названием «историческая», в настоящее время поддерживается последователями академика Б. А. Рыбакова. По этой точке зрения, былины возникли в XI–XII вв. и явились непосредственным отражением исторических событий, связанных с борьбой Руси против нападения кочевых народов. Другая точка зрения исходит из предположения, что былины отражают не столько исторические события, сколько отношение к ним народа. Они складывались постепенно, в течение длительного времени от X до XVI вв.

Образная обобщенность, свойственная народным песням всех жанров, раскрывает существо всего многообразия эмоций человека, которые выражаются в звуках. Поразительно глубоко прочувствовал особенность и затаенную красоту русской народной песни «Не одна во поле дороженька пролежала» И. С. Тургенев. Он описал свои впечатления в рассказе «Певцы» из цикла рассказов «Записки охотника». В пении Якова Турка была «неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость; и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем... Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль» [17, с. 306]. Важно отметить, что в пении Якова воплощалась «правдивая» душа народа. Как отмечали исследователи народного творчества, крестьяне особенно любили рассказы, в которых описывалось «терпеливое перенесение народом всевозможных невзгод, страдание за правду...» [4, с. 183]. И это свойственное русскому народу стремление к правде проявлялось во всем, в том числе и в музыке.

После отмены крепостного права отношения между помещиками и крестьянами долгое время оставались патриархальными. Так, во время приезда И. С. Тургенева в свое родовое имение Спасское-Лутовиново в его честь, а также его гостей, устраивались праздники: крестьяне водили хороводы, пели песни, танцевали.

Свидетели таких народных гуляний отмечали, что И. С. Тургенев и его гости с удовольствием наблюдали крестьянские увеселения. «И. Сергеевич всем одинаково восхищался, и видно было, что в нем под влиянием этого широкого веселья, говорила истинно русская кровь; и действительно, обратившись к нам, он <...> сказал: “И про меня говорят, что я не люблю Россию и русских!.. Для меня это высокое наслаждение, лучше всякой оперы и чего хотите”» [Цит. по: 7, с. 137], – вспоминал Е. М. Гаршин. Очевидно, что исполнительский уровень народных певцов был достаточно высоким. Об этом также свидетельствуют воспоминания великого русского певца Ф. И. Шаляпина: «Ведь вот русские люди поют песню с самого рождения... Поют всегда... А как хорошо пели! ...» [20, с. 31].

Многочисленные исторические свидетельства говорят о том, что в древнейший период жизни русского народа у него существовала не только песня, но и инструментальная музыка. На территории Новгорода при археологических раскопках в слоях XI–XIII вв. были найдены части инструментов, упоминаемых в литературных источниках и известных до этого лишь по живописным изображениям. «Несомненно, признанная даже в чужих странах музыкальность славян доказывается тем, что последние находились на службе такого пышного в свое время двора, как византийский, в качестве профессиональных музыкантов» [18, с. 45]. По преданию, послов киевского князя Владимира Святославовича, «испытывавших» достоинства того или иного вероисповедания, «наиболее прельстило церковное пение греков, так как прослушав его..., они признались, что не знали, где они – на земле или на небе» [Там же, с. 52].

В былинах упоминается не только гуслир Садко, но и богатыри Добрыня Никитич, Соловей Будимирович, которые занимались игрой на гусях. Наиболее древнее историческое свидетельство о гусельной игре на княжеских пирах встречается в летописи под 1015 г. Там же, в житии преподобного Феодосия Печерского, есть описание пира у великого князя киевского Святополка Ярославича, где игумен Феодосий увидел многих «игрецов», «овы гуслими гласы испускающе», «органьныя гласы поюще», «...и тако всем играющем и веселящемся, яко же обычай есть пред князем». Преподобный Феодосий Печерский не одобрял такого веселья. Замечание игумена Феодосия: «Будет ли так на том свете?» заставило князя прекратить музыку [Цит. по: 14, с. 676]. Очевидно, что в XI в. «игра», то есть музыка и пение, были обычной принадлежностью княжеского двора на Руси, как и византийского царского двора. На старинной фреске Софийского киевского собора XI в. есть изображение «игрецов» на флейте, длинных трубах, на струнных инструментах, вроде арфы и гитары. Интересно, что из Византии на Русь был привезен и орган, который также был инструментом для княжеских увеселений. Он звучал при дворах князей Ярослава и Святослава.

В летописях есть данные о существовании военной музыки. Так, во время похода Святослава в Болгарию «пойде полк по полце бьюще в бубны, и в трубы, и в сопели». В «Сказании о Мамаевом побоище» упоминается, что перед началом битвы «начаша гласы трубные от обоих стран сниматися» [Цит. по: Там же]. Исследователи считают, что количество музыкальных инструментов находилось в известном отношении к численности войска. Какова была музыка, звучащая на княжеских пирах и военных походах, остается неизвестным.

В эпоху Киевской Руси высокого развития достигло искусство княжеских певцов, которые воспевали подвиги князей и их дружины. До середины XVII в. не было четкого разделения между фольклором и светским искусством, обслуживающим запросы знати. Одни и те же песни пели и смерды, и княжеские дружинники, и представители высших слоев общества. В Древней Руси намечилось несколько направлений развития русской музыки, но главным из них была народная песня.

По мнению искусствоведов и специалистов в области музыкальной эстетики, национальный характер предстает в музыке освобожденным от многих чисто внешних примет, столь явных, например, в этнографических особенностях старинных костюмов и т.п. На возможность «чистого» выражения в музыке национальных черт указывает и то, что еще в XVIII и XIX вв. музыкальные темы, мелодии, мотивы называли «идеями» и рассматривали их разработку как развитие мыслей. Интересно в этом отношении наблюдение музыковеда и культуролога Т. В. Чередниченко: «Если “раздетые” народы больше проявляют ритмическую одаренность, то “одетые” – мелодическую. Русские не только одеваются просторно (рубаша, сарафан скрывают подробности фигуры), но и поведуют “простор”, “даль”, “ширь” в своем восприятии природы. Это отражается на структуре протяжных крестьянских песен» [19, с. 128]. Не случайно слушателям пения Якова Турка казалось, что широкая степь расстилалась, которой не видно конца. И так во многих русских песнях: раскидистая, нескончаемая мелодия соответствует простору необъятной степи, бесконечным далям, дорогам. Отсюда выступают «некоторая таинственность и спокойная строгость и торжественность, присущие стариннейшим нашим песням» [18, с. 42]. Пение это способствовало размышлению, раздумьям о жизни, возвышало от земных помыслов к небесным.

Появившееся с принятием христианства церковное пение нашло благодатную почву в русском народе, склонном к пению и имеющем к тому времени достаточно развитую песенную культуру. Музыкальный крестьянский фольклор развивался не без влияния церковной певческой культуры. Этому способствовало в незначительной степени и то, что богослужбное пение происходило без сопровождения музыкального инструмента. В каждом селе была церковь, в которой пел хор из крестьян, обладавших определенными музыкальными и вокальными способностями. В некоторых церквях священники учили крестьян пению «за вечернями». Каждое воскресенье после проповеди было общее пение. Разучивали разные церковные песнопения. «Во время праздничных служб крестьяне подпевали» [4, с. 203]. Народное пение также оказывало воздействие на церковную певческую культуру: возникало своеобразие местных распевов.

Композитор Н. К. Метнер отмечал: «Когда мы <...> слушаем духовные песнопения, мы слышим как бы самые элементы (основные смыслы) музыки, одухотворенные молитвой. Те же элементы слышим мы и в наших народных песнях. На них же расцвела вся музыка как великое искусство...»

Всматриваясь в смыслы этих элементов, понимаешь и тот единый смысл, который мог их создать. Потребность согласования множества и разнообразия человеческих душ в их стремлении к единству отразилась и на согласовании в единстве множества и разнообразия художественных элементов» [12, с. 456].

Как считают специалисты, вполне вероятно, что ненотированные тексты предназначались для свободно распевания по личному вкусу и желанию исполнителя, конечно, в пределах канонов, общепринятых в церковно-певческом искусстве. Большинство современных музыковедов убеждено в том, что «православие преобразовало <...> народную музыку. Откуда взялось чудо XVII века – русская протяжная песня? Ясно: не от язычества. Благоговейная, целомудренная сосредоточенность чувства соединены в ней с внутренней свободой – как и в знаменном распеве» [11, с. 17].

Другим направлением, отличным от народного пения по своему существу, явилось развитие инструментальной музыки. Постепенно процесс развития интереса к инструментальной музыке нарастал. Игра на балалайке и гармонике заменяла пение. «Деревня начинает забывать свои прекрасные песни» [Цит. по: 8, с. 39], – отмечал собиратель русского песенного фольклора и создатель русского народного хора М. Е. Пятницкий. На смену им пришла частушка, эта удручающая, невыносимая и бездарная пошлость [20, с. 31].

Во многом это явление объясняется изменениями в экономической и политической жизни России в конце XIX – начале XX в., которые привели к изменениям в социальной структуре общества. Многие крестьяне уезжали в город, пополняя ряды пролетариата. Народная песня, как известно, зародилась в пространстве крестьянско-земледельческой Руси, в нем жила и развивалась. Разрушение многовекового крестьянского патриархального уклада жизни вело и к разрушению исконной народной русской песенной культуры. В дальнейшем положение становилось все драматичнее.

Культурной трагедией разрушения крестьянского уклада быта стала трагедия раскулачивания, которая проводилась в СССР в 20-х – начале 30-х гг. XX в. Миллионы трудолюбивых, талантливых людей были уничтожены или выселены в те края, где выжить удавалось немногим. Уничтожение многих истинных носителей православной веры нанесло урон христианской культуре в целом и также вело к разрушению многовековой песенной традиции. В более поздние времена на судьбах устной народной культуры сказались НТР. Об этом свидетельствуют, например, наблюдения композитора Г. В. Свиридова, который в одной из своих заметок писал о том, как прекрасно пели в Курских краях, но «теперь уж так не поют. Жизнь – неумолима! Радио и особенно телевидение вытесняют эту музыку. Будет жаль, если она совсем исчезнет» [15, с. 59].

В настоящее время немалую опасность для существования народной песенной культуры представляют процессы глобализации. Глобализация – это явление в первую очередь экономическое. Изначально она предполагала формирование мировой рыночной системы, но, поскольку процесс глобализации сложный и во многом противоречивый, он отразился и на культуре. Многие стороны глобализации проявляются как «деструкция национальных и этнических культур» [16, с. 76].

Тем не менее, современными музыкантами-фольклористами ведется интенсивная работа по собиранию, изучению и пропаганде русского песенного фольклора. С их участием создаются крупные архивные фонды, издаются сборники научных исследовательских статей, проводятся научные конференции, посвященные проблемам современной фольклористики с последующей публикацией статей и материалов [1]. В последние годы появились диссертационные работы О. И. Алексеевой, И. Н. Карачарова, О. В. Скобелевой, Е. В. Черновой и других, которые посвящены исследованию традиционного русского народного музыкального творчества. Многие фольклористы работают с аутентичными коллективами, организуют свои ансамбли, основываясь «на постижении и практическом освоении механизмов устной передачи традиции» [2, с. 14]. Немалую значимость при этом имеют полевые экспедиционные материалы, впитавшие подлинные образцы народных песен и создающие эмпирическую базу исследованиям. Сложность изучения, а также и самого существования песенной традиции заключается в том, что с эстрады чаще всего звучат причудливые, искаженные народные песни, не имеющие ничего общего и с их подлинным содержанием, и исполнением. Средства массовой информации, эстрадное пение оказывают сильное воздействие на формирование вкуса носителей народной культуры и их слушателей. Несмотря на это, некоторые современные исследователи русского песенного фольклора считают, что жизненная сила народной песни видится в ее способности к саморазвитию, что «духовное начало, присущее человеческой природе, обладает такой степенью самостоятельности и такой творческой энергией, что способно помимо воли людей как бы вне их сознания творить, навязывая им результаты этого творчества» [3, с. 24]. Хотелось бы, но трудно согласиться с таким оптимистичным взглядом, поскольку разрушена питательная среда, на которой выростала русская народная песня. Вернуть прошлую культуру и ее носителей невозможно, но сохранить память о ней и законсервировать то, что от нее осталось, можно. И над этим работают современные музыканты-фольклористы. Русская народная песня постепенно вытеснялась все далее в глубь России, но там продолжала жить и живет до сих пор. Сохранить народную песню, способствовать по мере возможностей развитию интереса к ее изучению, передать ее последующим поколениям – задача не только фольклористов, но и всех, кому дорога русская народная песенная культура.

Список литературы

1. **Актуальные проблемы современной фольклористики:** сб. ст. и мат-лов / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. Л.: Музыка, 1980. 224 с.
2. **Алексеев Э. Е.** Фольклор в контексте современной культуры: рассуждения о судьбах народной песни. М.: Сов. композитор, 1988. 237 с.
3. **Алексеева О. И.** Русская народная песня как этнокультурный концепт: автореф. дисс. ... к. филос. н. Белгород, 2006. 25 с.
4. **Громько М. М.** Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.

5. **Добролюбов Н. А.** Собрание сочинений: в 9-ти т. М. – Л.: Гослитгиздат, 1961-1964. Т. 1. 651 с.
6. **Ильин И. А.** Собрание сочинений: в 10-ти т. (12-ти кн.) / сост., вступит. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993-1999. Т. 6. Кн. 2. 672 с.
7. **Каждан Т. П.** Художественный мир русской усадьбы. М.: Традиция, 1997. 320 с.
8. **Казьмин П. М.** Страницы из жизни М. Е. Пятницкого. М.: Всероссийское хоровое общество, 1961. 98 с.
9. **Кремлев Ю. А.** Русская мысль о музыке: в 3-х т. Л.: Госмузиздат, 1954. Т. 1. 288 с.
10. **Лосский Н. О.** Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Основы этики. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. С. 333-523.
11. **Медушевский В. В.** Русская музыка: духовные истоки своеобразия // Сергиевские чтения – 1. О русской музыке: сборник научных трудов. М.: Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского, 1993. Сб. 4. С. 14-20.
12. **Метнер Н. К.** Муза и мода (защита основ музыкального искусства) // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. (12-ти кн.). М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 1. С. 445-533.
13. **Рубцов Ф. А.** Основы ладового строения русских народных песен. Л.: Музыка, 1964. 468 с.
14. **Русское искусство. Музыка** // Россия: энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 675-717.
15. **Свиридов Г. В.** «Разные записи» (из записных тетрадей композитора) (1981-1982 гг.) // Роман-журнал XXI век. 2000. № 7 (19). С. 55-72.
16. **Святославский А. В.** Глобализация как фактор изменений национальных культур // Вопросы культурологии. 2014. № 6. С. 76-80.
17. **Тургенев И. С.** Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1953-1958. Т. 1. 479 с.
18. **Финдейзен Н. Ф.** Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века: в 2-х т. М.: Госмузиздат, 1928. Т. 1. 117 с.
19. **Чередниченко Т. В.** Традиционалистские (исторически «медленные») музыкальные культуры // Музыка в истории культуры: курс лекций для студентов-немузыкантов, а также для всех, кто интересуется музыкальным искусством: в 2-х т. М.: Аллегро-Пресс, 1994. Т. 1. Ч. 2. С. 125-216.
20. **Шаляпин Ф. И.** Маска и душа. М.: Вагриус, 1997. 319 с.

THE RUSSIAN FOLK SONG IN THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT OF THE SPIRITUAL LIFE OF THE NATION

Akulova Larisa Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
akulova47@bk.ru

The article examines the issues connected with the tradition of the Russian folk song, its sources, development and significance in the life of the nation during its history. Turning to this theme is conditioned by the problem of the estrangement of contemporary culture from its historical foundations. The author of the paper considers that the research of the nation's history and the depths of its spiritual life is impossible without comprehending the Russian folk song. The novelty of the study is in the attempt to conduct an in-depth analysis of the musical peculiarities of the Russian folk song.

Key words and phrases: folk song; folklore; historical way of development; musical intonation; harmony; voice intoning; choir singing; instrumental music; church singing; history of culture.

УДК 930.85

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются вопросы, связанные с историей возникновения и развития искусства колокольных звонов на Руси. Основное внимание автора направлено на раскрытие исторически сложившейся взаимосвязи православных основ и эстетического значения искусства колокольных звонов. Актуальность темы обусловлена возрождением колокольного звона в современной России, нарастающим интересом к нему, стремлением овладеть колоколотейным делом и мастерством звонарей.

Ключевые слова и фразы: колокол; искусство колокольного звона; звонарь; колоколотейное производство; эстетика; музыкальные инструменты; историческая традиция; христианское мировоззрение; повседневная культура.

Акулова Лариса Владимировна, к. филол. н., доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
akulova47@bk.ru

ТРАДИЦИИ КОЛОКОЛЬНЫХ ЗВОНОВ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Колокола были известны с древних времен. Близ Никополя (Днепропетровской области) в древних захоронениях нашли сорок два колокольчика. Такие находки в древнейших захоронениях были не редкостью. Они были распространены до самой Сибири. Назначение их не выяснено до сих пор. Возможно, они имели символический смысл. Как известно, библейские священники имели на концах палиума колокольчики.